

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.4.7>

UDC 327.82(47)+323(55)
ЛБС Ф49(2)+Ф3(5Ирп)

Submitted: 31.01.2017
Accepted: 15.06.2017

SOVIET DIPLOMACY AND ITS ROLE IN CREATION AND ACTIVITY OF THE NATIONAL BLOC IN IRAN (1922-1924)

Yuriy A. Demin

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article deals with the history of the National bloc in Iran that demonstrates an example of the combination of ideological and pragmatic inclinations in the Soviet foreign policy of the early 1920s. The renunciation of the “export of revolution” strategy and the transition to the support of the Iranian independence demanded the appropriate forms of work with the local political forces. B.Z. Shumyatsky, a creator of the bloc, conceived it as a social basis for the “national” government to come, which would set Iran on the path of development and independence.

However, during the first months of its existence, the National bloc confronted with a number of contradictions, which contributed to its final defeat. Shumyatsky’s striving to overthrow Qavam al-Saltaneh led to the extension of the bloc ranks in the Majles with the representatives of the various rival groups and made it an amorphous and unstable coalition. Similarly, the slogan for the struggle against “foreigners” charged against the bloc, when the cabinet of Mostoufi al-Mamalek was discredited by the opponents as the Moscow’s protégé. At the same time, structural and ideological feebleness of the Iranian parties and the trade unions of those years hampered the bloc’s transformation into the mass and centralized political power.

The influence of war minister (later Prime Minister) Reza Khan and Moscow’s support of his centralization activity led the National bloc into the alliance with that political figure. As a result, the bloc quickly passed the way from the separate political project to the junior partner of the coalition and finally faced with the changed plans of the military dictator to leave the political stage.

Key words: Soviet diplomacy, Iran, Soviet-Iranian relationships, National bloc, B.Z. Shumyatsky.

Citation. Demin Yu.A. Soviet Diplomacy and Its Role in Creation and Activity of the National Bloc in Iran (1922-1924). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 4, pp. 66-76. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.4.7>

УДК 327.82(47)+323(55)
ББК Ф49(2)+Ф3(5Ирп)

Дата поступления статьи: 31.01.2017
Дата принятия статьи: 15.06.2017

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ЕЕ РОЛЬ В СОЗДАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО БЛОКА В ИРАНЕ (1922–1924 гг.)

Юрий Александрович Дёмин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена истории Национального блока (Нацблока) в Иране, большую роль в создании которого сыграла советская дипломатия, прежде всего Б.З. Шумяцкий, бывший в это время поверенным в делах, а затем полпредом СССР в Иране (1922–1925 гг.). Используя коммунистическую и социалистическую партии, профсоюзы, Шумяцкий стремился сделать Нацблок опорой будущего «национального» правительства, которое могло поставить Иран на путь развития и реформ. Показано, что структурная и идейная слабость партий и профсоюзов препятствовала превращению Нацблока в массовую политическую силу. В то же время стремление Нацблока расширить свои ряды в меджлисе сделало его аморфным и неустойчивым объединением. Находящийся в тот период у власти кабинет Мостуфи оль-Мамалека был дискредитирован как ставленник Москвы. Выявлены проблемы, появившиеся в Нацблоке в период вынужденного союза с премьер-министром Реза-ханом, которые отложили появление массовой политической организации в Иране до 1941 года.

Ключевые слова: советская дипломатия, Иран, советско-иранские дипломатические отношения, Национальный блок, Б.З. Шумяцкий.

Цитирование. Дёмин Ю. А. Советская дипломатия и ее роль в создании и деятельности национального блока в Иране (1922–1924 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 4. – С. 66–76. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.4.7>

Первая половина 1920-х гг. в истории отечественной внешней политики отмечена поиском новых форм взаимоотношений с зарубежными странами, одним из проявлений которых и стало создание так называемого Национального блока (Нацблока). В отечественном ирановедении деятельность Нацблока затрагивалась прежде всего М.С. Ивановым (1965), К. Асадулаевым (1966) и С.Л. Агаевым (1970). Отдельные моменты встречаются в работах Ш.М. Бади (1977), З.З. Абдуллаева (1968), М.И. Володарского (1985), Тулсирама (1985, 2003) и др. При этом отечественные авторы рассматривали деятельность Нацблока через призму социального фактора, классовой борьбы. Вместе с тем она требует более полного изучения как с учетом особенностей иранской внутривнутриполитической жизни, так и внешнеполитической стратегии Москвы и деятельности советской дипломатии в Иране.

Появление Нацблока пришлось на переломный период жизни Ирана и было вызвано рядом внешних и внутренних факторов. Фактическая утрата государственного суверенитета, знакомство иранцев с политическим устройством и идеями западных стран способствовали развитию национализма. При этом Советская Россия, позиционировавшая себя как защитница угнетенных народов, привлекала внимание части иранской общественности, рассматривавшей более тесные отношения с Москвой в качестве необходимого условия независимости Ирана.

Активизация общественно-политической жизни в Иране происходила на фоне ослабления власти Каджаров и обострения внутривнутриполитической борьбы. Степень свободы общественно-политической жизни не смотря на существовавшее законодательство во многом зависела от степени произвола шаха и/или исполнительной власти и имеющихся в их распоряжении ресурсов. Слабая шахская власть и борьба различных

политических сил, притом что ни одна из них не обладала безусловным преимуществом, создали условия, при которых деятельность Нацблока стала возможной.

Советская дипломатия, в отличие от своей царской предшественницы, не только в силу идеологических установок, но и ввиду фактического отсутствия силовых рычагов, не имея прежнего экономического влияния и связей с правящими кругами, пришла к идее создания Нацблока. Замыслу советских дипломатов способствовало наличие в Иране партии социалистов («Эджтема'ийун»), профсоюзов и компартии (ИКП), а также заинтересованность части купечества и производителей сельхозпродукции в нормализации советско-иранских отношений.

Создание Нацблока произошло на фоне изменения внешнеполитической стратегии Москвы, которое выразилось в отказе от поддержки антиправительственных выступлений и ставке на развитие добрососедских межгосударственных отношений. Вместе с тем опыт деятельности полпреда Ф.А. Ротштейна (апрель 1921 – май 1922 г.) выявил слабость советских позиций в Иране. Его линия на выстраивание личных связей с представителями иранской политической элиты оказалась малоуспешной, а фактическое участие в процессе ликвидации республики в Гиляне вызвало неоднозначную реакцию в рядах советского руководства. В итоге, столкнувшись с резкой критикой в свой адрес, полпред покинул Иран.

Его преемник – Борис Захарович Шумяцкий (1922–1925 гг.) решил приступить к объединению тех социальных групп, которые, по его мнению, могли привести к власти «национальное» правительство, способное разрешить насущные вопросы советско-иранских отношений, укрепить независимость страны и направить ее по пути развития капитализма и буржуазной демократии.

В связи с этим 1 августа 1922 г. Шумяцкий указывал Л.М. Карахану, что «фатально

неизбежная для империалистических государств» политика «делания» кабинетов должна быть заменена кооперацией «наших дипломатических сил с национальными силами» Ирана, созданием блока «из купечества, служилой интеллигенции, аграриев, ведущих промышленное (товарное) сельское хозяйство, ремесленников и карликовой прослойки рабочих...» [14, л. 158–159]. Представив в Москву собственный проект тезисов и добившись мандатов на руководство «коминтерновской» и «профинтерновской» работой в Иране (имея к тому же полномочиям торгпреда), Шумяцкий замкнул на себе всю работу по созданию Нацблока, используя для этого советский дипломатический и торговый аппараты.

Основы Нацблока были заложены еще в конце 1921 – начале 1922 г., когда в стенах IV меджлиса (июнь 1921 – июнь 1923 г.) при поддержке Ротштейна произошло временное объединение оппозиционных Каваму эс-Салтане депутатов меджлиса, а на улицах Тегерана социалисты совместно с коммунистами, профсоюзами и редакторами левых газет образовали стачечный комитет. Однако именно Шумяцкий поставил идею Нацблока в центр своей работы в Иране и приступил к созданию его организаций на местах.

Нацблок создавался прежде всего на базе партии социалистов при поддержке профсоюзов и ИКП. Для его руководства был образован комитет, в который входили лидер социалистов Сулейман Мирза Искандери и четыре представителя ИКП. Первая организация Нацблока появилась в августе 1922 г. в Тегеране, а к началу 1923 г. они уже имелись в Керманшахе, Реште, Мешхеде, Исфахане, Тебризе и других городах [20, л. 60, 62]. Создание Нацблока шло в русле стратегии «единого антиимпериалистического фронта» Коминтерна, принятой его IV конгрессом (ноябрь – декабрь 1922 г.).

Среди первоочередных задач правительства Нацблока значились: проведение судебной и налоговой реформ, отказ от режима капитуляций, заключение торгового договора и таможенной конвенции с Советской Россией, свобода печати, местного самоуправления, отмена военного положения, улучшение положения крестьянства и т. д. Главной целью Нацблока являлось создание сильной цент-

ральной власти, независимой от «иностранцев» и «знати» [4, л. 37–37 об.].

Вместе с тем, несмотря на объявленную борьбу со «знатью», Нацблок имел тесные связи с этой социальной группой, продолжавшей играть ведущую роль в политической жизни страны. Представителем аристократии был лидер Нацблока, каджарский принц Сулейман Мирза Искандери, а руководимая им соцпартия, как указывает Х. Чакеки, преимущественно состояла из представителей высших слоев (хотя и включала в себя рабочих и правительственных служащих) [29]. Эта партия, как отмечали в ИКП, могла быть названа и «демократической», и «националистической», и «чем угодно», так как почти всем ее руководителям были неведомы основные «принципы социализма» [16, л. 8].

Отечественные исследователи решали проблему с классовой сущностью Нацблока делением социальных групп, указывая, например, что в Нацблок входили представители мелкой и средней буржуазии, «прогрессивных» помещиков и интеллигенции [12, с. 54]; «прогрессивные националистически настроенные» представители средней и мелкой буржуазии, помещиков и интеллигенции [1, с. 101]; представители «национальной» буржуазии, мелкие и средние помещики [2, с. 77]. Однако, помимо некоторой субъективности дихотомии «прогрессивный – реакционный», следует указать, что национализм в Иране принимал различные формы. Так, например, партия реформаторов («Хезб-е эслахталабан»), одним из лидеров которой был аятолла Сеид Хасан Модаррес, поддерживала позицию военного министра Реза-хана по привлечению третьей силы в Иран (США), увольнение иностранных офицеров из казачьей дивизии и жандармерии, централизацию страны (светский и религиозный национализм по А. Ансари [28, р. 15–16]).

Одним из факторов, способствовавших созданию Нацблока, стала изменившаяся внутриполитическая обстановка. С одной стороны, вновь ставший в июне 1922 г. премьер-министром Кавам эс-Салтане, опираясь на поддержку реформаторов, вступил в конфликт с военным министром Реза-ханом, который силой захватил в свои руки источники государственных доходов и сочетал военное положение с назначением военных губернаторов. С другой

стороны, централизаторская деятельность Реза-хана привела его к трениям с англичанами, рассматривавшими юг Ирана как сферу своего влияния. После разгрома правительственного отряда бахтиарами военмин на время отложил свои планы по подчинению южных племен и в поисках союзников обратил свой взор на советское полпредство, сделав несколько шагов ему навстречу (август – сентябрь 1922 г.): прекратил преследование редактора газеты «Туфан» Феррохи, более пяти месяцев просидевшего в бесте в советской миссии [3, л. 39–41], и поддержал редакторов некоторых газет, закрытых премьером за резкие антибританские публикации [4, л. 8–8 об.]. Кроме того, некоторые офицеры из южной дивизии, в том числе начальник штаба, полковник Гейдар Кули-хан в контакте с консулом В.Г. Тардовым, участвовали в создании организации Нацблока в Исфагане [3, л. 120]. Впрочем, подобные шаги не означали установления тесного сотрудничества Нацблока с Реза-ханом, что видно по позиции Сулеймана Мирзы, поддержавшего в меджлисе требования отмены военного положения и подчинения военмина законам страны (октябрь 1922 г.).

Критикуя Ротштейна за политику «делания кабинетов», Шумяцкий сам вступил в резкую конфронтацию с премьером и, повторив опыт предшественника, направил усилия на его свержение. Главной причиной конфликта стала судьба торговых переговоров и нерешенность других вопросов (таможенный тариф, рыбные промыслы и пр.). В итоге осенью 1922 г. Шумяцкий начал планомерное давление на Кавама эс-Салтане, добившись совместных действий депутатов-социалистов с редакторами закрытых правительством газет, работниками типографий и сотрудничая с противниками премьера [4, л. 6 об. – 10; 34, р. 194]. В итоге сформировавшееся в меджлисе большинство под руководством Сулеймана Мирзы (так называемые депутаты согласия) в феврале 1923 г. провело на пост премьер-министра Мостоуфи оль-Мамалека.

Новый премьер-министр временно ввел в действие более выгодный для Москвы таможенный тариф 1901 г. и возобновил советско-иранские переговоры, завершившиеся парафированием почтовой и телеграфной конвенции, а также торгового договора. В области

внутренней политики по инициативе Нацблока в правительственную программу были внесены пункты по обеспечению свободы печати, собраний, союзов, созыва областных и городских анджоманов и т. д.

Однако поддерживающая кабинет Мостоуфи оль-Мамалека коалиция была очень разнородной и уже в начале апреля 1923 г. раскололась. В полпредстве объяснили произошедшее «личными причинами»: недовольством части депутатов начавшейся чисткой финансового ведомства и назначением нового министра финансов [22, л. 52 об. – 53 об.]. Вместе с тем произошедший раскол привел к потере правительством опоры в меджлисе и усилил атаки реформаторов во главе с Носратом од-Доуле (принц Фируз), С.Х. Модаресом и Кавамом эс-Салтане. Подписание в мае 1923 г. торгового договора с СССР, предоставлявшего дипломатические права Внешторгу и оставившего Тегеран без свободы экспорта из третьих стран, усилило позиции противников премьера, в числе которых оказался и Реза-хан.

Оппозиция, как сообщал британский посланник Перси Лорейн, придала борьбе за власть видимость борьбы «между консерватизмом и социализмом» [32, р. 379], а иранские коммунисты прямо указали на «провал» премьера как «явного ставленника совмиссии» [25].

Однако главной причиной нападков на кабинет Мостоуфи оль-Мамалека стали начавшиеся в апреле 1923 г. очередные выборы в меджлис. Соперничающие политические силы развернули борьбу за контроль над правительством, которое в конечном итоге возглавил ставший компромиссной фигурой Мошир од-Доуле.

Важную роль в произошедшей смене кабинетов сыграл Реза-хан, намеревавшийся использовать выборы для формирования в будущем меджлисе подконтрольного большинства. Новый премьер-министр, несмотря на формальную принадлежность к Нацблоку, имел прохладные отношения с социалистами и не мог противостоять вмешательству Реза-хана в ход избирательной кампании.

Реза-хан не ограничился смещением Мостоуфи оль-Мамалека с поста премьера, но стремился устранить Нацблок как конкурента на выборах. Так, например, уже в апре-

ле 1923 г. военные власти фактически разогнали организацию Нацблока в Энзели [21, л. 34–35]. По ходу выборов репрессии против Нацблока прокатились по многим городам Ирана, сопровождаясь запугиванием, высылкой и физическим устранением его лидеров, закрытием печатных органов и разгромом организаций.

Распад возглавляемой Сулейманом Мирзой коалиции в межджисе IV созыва не был так драматичен ввиду скорого окончания его полномочий (июнь 1923 г.). Падение кабинета Мостоуфи оль-Мамалека вписывалось в череду министерских кризисов и смены кабинетов в начале 1920-х годов. Однако события весны – лета 1923 г. вскрыли организационную слабость Нацблока и отсутствие массовой поддержки на местах. Основа Нацблока – соцпартия страдала от организационной и идейной слабости и по существу не представляла собой «партии» в собственном смысле слова, но, скорее, являлась «группой интересов». Казначей партии А. Мостоуфи сравнивал ее с незаряженным ружьем, представители которой просто встречались в Тегеране в штаб-квартире на Площади Весны («Мейдан-е Бахарестан») и не проявляли никакой организационной активности [31, р. 1116]. Даже более централизованная ИКП страдала в те годы от фракционности и плохой связи с местными отделениями. Специфика иранских партий не ускользнула от глаз современников, называвших их «сообществом нескольких лиц» (В. Осетров, см.: [26, л. 134]) или даже «клубами заговорщиков» (П. Лорейн, см.: [33, р. 352]).

Что касается другой опоры Нацблока – профсоюзов, то они, помимо отсутствия признания со стороны властей (за исключением союза печатников) и преследований, по всей видимости также не отличались идейностью и прочной организацией. Еще в 1922 г. Шумяцкий называл большинство из них группами «несознательных лиц», объединявшихся вокруг какого-либо лидера по материальным или личным соображениям [9, л. 185]. В связи с этим представляется сомнительным само существование Нацблока как единой организации с устойчивыми вертикальными и горизонтальными связями.

В условиях отсутствия в Иране подлинных массовых партий более устойчивыми и

способными к политической мобилизации и действиям оказывались или традиционные институты (прежде всего базар, активно проявивший себя в ходе антитабачного движения 1891–1892 гг., Конституционной и Исламской революций), или создаваемая Реза-ханом армия современного типа, ставшая его главной политической опорой.

Отличаясь консервативными политическими взглядами и будучи связанным с аристократией и улема родственными, образовательными и коммерческими отношениями, иранское купечество в целом отдавало предпочтение не социалистам, а менее радикальным реформаторам (как во время Конституционной революции их предшественникам – «умеренным» («Э’тедалийун-е аммийун»)) [24, с. 22, 31; 30, р. 67].

События весны – лета 1923 г. продемонстрировали Москве слабость Нацблока и влияние Реза-хана. В итоге руководство НКВД и ЦК ИКП выступило за установление более тесных отношений с военмином. Вместе с тем Шумяцкий поначалу не был готов к такому сотрудничеству, назвав Реза-хана «оголтелым реакционером», уничтожающим «национально-демократические силы и институты» [23, л. 128 об.]. Однако даже в ЦК ИКП признавали, что Нацблоку не удалось стать массовой организацией и что им можно считать «только соцпартию, усиленную свежими силами из ИКП» [15, л. 41].

Сама соцпартия во время выборов в межджис испытывала серьезный кризис, вызванный не только преследованиями со стороны военных, но и внутрипартийной борьбой за власть. В итоге работа исполкома партии оказалась парализованной, а тегеранская организация фактически прекратила свое существование. Позже социалистам удалось реорганизовать партию и вовлечь в нее и членов ИКП. Однако теперь соцпартия прекратила свое существование как массовая организация (например, в Тегеране до выборов она имела по спискам до 3 тысяч членов, а после – только 300) [15, л. 39].

Столкнувшись с ситуацией на местах и давлением Москвы, Шумяцкий вынужден был пересмотреть свою позицию и пойти на сотрудничество с Реза-ханом. Военмин, в свою очередь, готовясь к военным операциям про-

тив южных племен и борьбе за власть, нуждался в союзниках. Уже в августе 1923 г. полпред и Реза-хан стали обсуждать возможности дальнейшего взаимодействия. При посредничестве Шумяцкого были организованы контакты между военным и представителями Нацблока. В обмен на заключение торгового договора и других соглашений, проведение реформ и предоставление ряда портфелей представителям Нацблока (МИД, МВД, юстиции, почты и телеграфов) Шумяцкий обещал содействие Москвы в вооружении иранской армии, разработке северных нефтяных месторождений, налоговые льготы для иранских торговцев и т. д. [10].

В конце октября 1923 г. Реза-хан сменил Мошир од-Доуле на посту премьер-министра и пошел на сотрудничество с социалистами, отдав им портфели министров просвещения, общественных работ и внутренних дел. Вместе с тем еще во время переговоров Реза-хан указал, что во внешней политике будет придерживаться равновесия между СССР и Великобританией, а 12 ноября огласил правительственную декларацию, запрещающую иранским гражданам посещать иностранные миссии. Однако в сложившихся условиях даже такое, половинчатое сотрудничество устраивало Москву, которая стала выполнять взятые на себя обязательства. Уже в конце сентября представители Электротехнического треста ВСНХ СССР и военного министерства Ирана заключили договор о поставке Ирану 6 полевых радиостанций и о строительстве 7 стационарных радиостанций [27]. Позже Москва и Тегеран договорились о поставках иранской армии советского снаряжения и вооружения на сумму 400 тыс. золотых рублей [6, с. 105]. Входящие в кабинет социалисты пытались воздействовать на Реза-хана, «окружая» его единомышленниками и «удаляя англофилов» (Сулейман Мирза) [8, л. 25].

Помимо сотрудничества с Реза-ханом, Москва решила привлечь на свою сторону купечество, введя в конце марта 1923 г. систему безлицензионной торговли с Ираном по ряду товаров (приказ № 58 НКВТ), льготные таможенные тарифы и систему возврата пошлин при вывозе за границу отдельных советских товаров. Дальнейшим шагом на этом пути стало создание в течение 1923–1924 гг. ряда смешан-

ных обществ («Рупето», «Персазнефть», «Першелк» и др.), активным сторонником которых был Шумяцкий. Также полпред попытался установить контакты и с тегеранскими улема, используя ситуацию с высылкой группы шиитских богословов из подмандатного британцам Ирака (лето 1923 г.).

Тем временем сама идея Нацблока стала вызывать в Москве все больше сомнений. События весны 1923 г. убедили Исполком Коминтерна (ИККИ), что Нацблок является «пестрым сборищем социальных групп», не имеющим возможности превратиться в централизованную политическую силу. В связи с этим ИККИ предложил Шумяцкому приступить к созданию «рафинированной народнической партии с определенным уклоном в сторону крестьянских реформ» [19, л. 75–76]. Поставленная ИККИ задача была реализована в начале следующего года в виде Рабоче-крестьянской партии. Вместе с тем полпред еще не был готов отказаться от идеи Нацблока. Введение социалистов в кабинет Реза-хана и действия по привлечению симпатий иранского купечества могли придать Нацблоку «второе дыхание». Однако события следующего, 1924 года поставили точку в судьбе данного политического объединения.

В начале 1924 г. по инициативе Реза-хана была развернута кампания за установление в Иране республиканского строя, проводником которой выступила партия «Таджаддод». Начало кампании не выявило серьезного противодействия со стороны улема, базар до поры также оставался пассивным. Единственной оппозицией партии «Таджаддод» стала небольшая группа депутатов меджлиса во главе с М.Х. Аштиани и С.Х. Модарресом. Однако отмена халифата и закон об унификации светского образования в соседней Турции настроили улема против республики, а попытка сторонников партии «Таджаддод» силой закрыть тегеранский базар в предновогодние дни в знак поддержки своих планов (19 марта) спровоцировала его открытое выступление.

В советском полпредстве происходившие события вызвали двойственное впечатление. Поддерживая установление республиканского строя с точки зрения идеологии, в полпредстве опасались, что планируемый переворот сделает будущее республиканское правитель-

ство нелегитимным и уязвимым для давления извне. Поэтому полпредство выступило против проводимой партией «Таджаддо» республиканской кампании с лозунгом созыва учредительного собрания.

Маневр советского полпредства вызвал непонимание в рядах его союзников – ИКП и социалистов. В ЦК ИКП сначала не согласились с доводами полпредства, очевидно боясь внести раскол в республиканское движение, однако не решились выступить самостоятельно [13, л. 37]. Социалисты втянулись в республиканскую кампанию разобщенными: в то время как группа во главе с Сулейманом Мирзой поддержала позицию партии «Таджаддо», другая часть выступила с лозунгами учредительного собрания [5, л. 19].

Фиаско республиканской кампании перечеркнуло какие-либо перспективы для Нацблока: соцпартия так и не смогла оправиться после очередного раскола; провалилась и тактика «окружения» Реза-хана, который вывел из кабинета социалистов и пошел на контакт с оппозицией меджлиса. Более того, в НКВД были разочарованы итогами кампании, выявившей «бесхребетность» националистов, склонных «фетишизировать конституционные формы» [18, л. 52]. Теперь в Москве окончательно приняли сторону Реза-хана и указывали полпреду на необходимость проявления «максимальной благожелательности» планам военмина по захвату власти [17, л. 40] (то есть установление республики вооруженным путем). Подавление Реза-ханом восстания шейха Хейзаля, за которым, как считали в Москве, стояли англичане, убедило советское руководство в правильности своего выбора.

Советское полпредство и ИКП сменили тактику и направили усилия на поддержку Реза-хана, фактически подталкивая его к государственному перевороту. Шумяцкий поддержал премьера во время апрельского правительственного кризиса и июльского кризиса, связанного с убийством американского консула Роберта Имбри. Во время одной из встреч, 2 мая 1924 г., Шумяцкий и Реза-хан обсудили возможность роспуска меджлиса после принятия им бюджета и законопроекта о предоставлении нефтяной концессии американской компании Синклер [7, л. 195–198]. Иранские коммунисты в сотрудничестве с

некоторыми тегеранскими купцами (очевидно, прежде всего из числа связанных со смешанными обществами) создали новую, так называемую Народную партию. Представители партии установили контакты с Реза-ханом и военным губернатором Тегерана, предложив последнему осуществить государственный переворот и установить в Иране республиканский строй [13, л. 35]. Для этой цели, по видимому, продолжились попытки создания организаций Нацблока на местах, в частности в Реште и Тебризе.

Однако чем более усиливался Реза-хан, тем меньше в Иране оставалось возможностей для существования какой-либо параллельной легальной политической силы, тем меньше пространства для маневра оставалось у Москвы. Если после поражения республиканского движения и ослабления своих позиций Реза-хан какое-то время заигрывал с советским полпредством, намекая на возможность осуществления республиканского переворота, то после подавления мятежа Хейзаля премьер-министр почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы открыто поставить вопрос о своем восхождении на престол. Создав себе ореол незаменимого политического деятеля, стремящегося к национальному возрождению Ирана, Реза-хан сумел привлечь на свою сторону разнообразные политические силы и подавить открытую оппозицию. Даже лидер социалистов Сулейман Мирза Искандери попал в это время под влияние Реза-хана, доказывал советскому полпреду «невозможность» установления республиканского строя в Иране [11] и своими действиями способствовал установлению династии Пехлеви. По этой причине распалась и Народная партия, представители которой отказались продолжать курс на установление в Иране республиканского строя (за исключением ИКП и связанных с ней профсоюзов) в связи с изменившимися планами Реза-хана [13, л. 35–36]. Оказавшись фактически в одиночестве, ИКП и профсоюзы подверглись преследованиям, были разгромлены и загнаны в подполье. К тому времени Шумяцкого сменил на посту полпреда К.К. Юренев, который, учитывая ошибки своего предшественника, дистанцировался от развернувшейся в Тегеране внутривнутриполитической борьбы, завершившейся восхождением Реза-хана на шахский престол.

Изменившаяся внутривосточная ситуация не оставила каких-либо шансов на возрождение Нацблока или создание иной политической силы. В Москве еще вынашивали планы создания массовой легальной Народно-революционной партии (а позже и нелегальной Революционно-республиканской национальной партии), однако этим планам не суждено было реализоваться. Придя к высшей власти в стране, Реза-шах расправился со всеми реальными или потенциальными оппонентами, и следующая возможность создания массовой политической организации представилась Москве только в 1941 г., после ввода советский войск в Иран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаев, С. Л. Иран в период политического кризиса, 1920–1925 гг. : (Вопросы внешней политики) / С. Л. Агаев. – М. : Наука, 1970. – 210 с.
2. Асадулаев, К. Свержение династии Каджаров в Иране (1920–1925 гг.) / К. Асадулаев. – Душанбе : Дониш, 1966. – 168 с.
3. Бюллетень Полпредства РСФСР в Персии, август 1922 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВПРФ). – Ф. 04. – Оп. 18. – Пап. 113. – Д. 50714.
4. Бюллетень Полпредства РСФСР в Персии, сентябрь 1922 г. // АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 18. – Пап. 113. – Д. 50715.
5. Бюллетень Полпредства СССР в Персии, март 1924 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). – Ф. 495. – Оп. 90. – Д. 93.
6. Володарский, М. И. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан (1917–33 гг.) / М. И. Володарский. – Л. : Overseas Publications Interchange Ltd, 1995. – 242 с.
7. Дневник посещений и визитов Полпредства СССР в Персии с 1 по 15 мая 1924 г. // АВПРФ. – Ф. 028. – Оп. 12. – Пап. 32. – Д. 2. – Л. 194–239.
8. Записка К. Гасанова в Восточный Отдел ИККИ Брик от 28.12.1923 г. // РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 90. – Д. 77. – Л. 24–26.
9. Записка Шумяцкого Орджоникидзе от 24.10.1922 г. // РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 90. – Д. 57. – Л. 185–188.
10. Записка Шумяцкого Чичерину от 06.10.1923 г. // АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 18. – Пап. 114. – Д. 50725. – Л. 61–65.
11. Запись беседы Юренева с Сулейман Мирзой от 01.07.1925 г. // АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 18. – Пап. 123. – Д. 180. – Л. 26.
12. Иванов, М. С. Новейшая история Ирана / М. С. Иванов. – М. : Мысль, 1965. – 255 с.
13. Копия доклада Керима Гасанова в ИККИ от 28.12.1925 г. // РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 90. – Д. 109. – Л. 26–41.
14. Копия доклада Шумяцкого Карахану от 01.08.1922 г. // РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 90. – Д. 57. – Л. 158–168.
15. Копия доклада уполномоченного ЦК ИКП в ИККИ // РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 90. – Д. 77. – Л. 30–48.
16. Копия доклада ЦК ИКП в ИККИ от 01.03.1923 г. // РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 90. – Д. 77. – Л. 5–9.
17. Копия записки Чичерина Шумяцкому от 05.06.1924 г. // АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 18. – Пап. 119. – Д. 50778 (141). – Л. 40–41.
18. Копия записки Чичерина Шумяцкому от 07.08.1924 г. // АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 18. – Пап. 119. – Д. 50778 (141). – Л. 52–54.
19. Копия письма из ИККИ Шумяцкому // РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 90. – Д. 89. – Л. 75–80.
20. Копия сводки А. Садовского от 24.01.1923 г. // АВПРФ. – Ф. 028. – Оп. 11. – Пап. 32. – Д. 2. – Л. 58–71.
21. Краткий обзор политического положения в Персии, апрель 1923 г. // РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 90. – Д. 80. – Л. 26–51.
22. Обзор персидской печати за 02.04.1923 г. // АВПРФ. – Ф. 94. – Оп. 7. – Пап. 7. – Д. 31. – Л. 52–56 об.
23. Письмо Шумяцкого Карахану от 05.05.1923 г. // РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 90. – Д. 76. – Л. 111–130 об.
24. Раванди-Фадаи, Л. М. Политические партии и группировки Ирана / Л. М. Раванди-Фадаи. – М. : ИВ РАН, 2010. – 215 с.
25. Резюме беседы с членами ЦК ИКП Джавад-Заде и Керимом Гасановым от 05.10.1923 г. // АВПРФ. – Ф. 04. – Оп. 18. – Пап. 114. – Д. 50725. – Л. 60.
26. Справка Осетрова «Персидские партии» от 18.03.1922 г. // АВПРФ. – Ф. 94. – Оп. 4. – Пап. 105. – Д. 1. – Л. 133–147.
27. Телеграмма Шумяцкого Чичерину от 29.09.1923 г. // Документы внешней политики СССР / МИД СССР ; д-р экон. наук А.А. Громыко и др. – М. : Госполитиздат, 1960. – Т. VI. – С. 461.
28. Ansari, A. M. Modern Iran Since 1921: The Pahlavis and After / A. M. Ansari. – L. : Pearson Publication Ltd, 2003. – 272 p.
29. Chaqueri, C. Eskandarī, Solaymān (Mohsen) Mīrzā / C. Chaqueri // Encyclopaedia Iranica. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.iranicaonline.org/articles/eskandari-solayman-mohsen-mirza>. – Title from screen.
30. Martin, V. Mudarris, Republicanism and the Rise to Power of Riza Khan, Sardar-i Sipah / V. Martin // The making of modern Iran: State and society under

Riza Shah, 1921–1941 / ed. by Stephanie Cronin. – L. ; N. Y. : Routledge, Taylor & Francis group, 2003. – P. 65–77.

31. Mostofi, A. The Administrative and Social History of the Qajar Period: The Story of My Life / A. Mostofi ; transl. by N. Mostofi Glenn. – Costa Mesa : Mazda publishers, 1997. – Vol. III. – P. 721–1185.

32. Sir P. Loraine to the Marquess Curzon of Kedleston. June 19. 1923 // British Documents on Foreign affairs: reports and papers from the Foreign Office confidential print. Pt. II, From the First to the Second World War. Ser. B Turkey, Iran and the Middle East, 1918-1939. In 35 vols / ed. by R. Bidwell. – Frederick, Md. : University publications of America, 1990. – Vol. 18. – P. 378–380.

33. Sir P. Loraine to the Marquess Curzon of Kedleston. May 24. 1923 // British Documents on Foreign affairs. – Vol. 18. – P. 351–353.

34. Sir P. Loraine to the Marquess Cutzon of Kedleston. Dec. 11. 1922 // British Documents on Foreign affairs. – Vol. 18. – P. 193–196.

REFERENCES

1. Agaev S.L. *Iran v period politicheskogo krizisa, 1920–1925 gg.: (Voprosy vneshney politiki)* [Iran in the Period of Political Crisis, 1920–1925: (Issues of Foreign Policy)]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 210 p.

2. Asadulaev K. *Sverzhenie dinastii Kadzharov v Irane (1920-1925 gg.)* [The Overthrow of the Qajar Dynasty in Iran (1920-1925)]. Dushanbe, Donish Publ., 1966. 168 p.

3. Byulleten Polpredstva RSFSR v Persii, avgust 1922 g. [Bulletin of Plenipotentiary Representation of the RSFSR in Persia. August 1922]. *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii* [The Archive of Foreign Policy of the Russian Federation], F. 04, Op. 18, Pap. 113, D. 50714.

4. Byulleten Polpredstva RSFSR v Persii, sentyabr 1922 g. [Bulletin of Plenipotentiary Representation of the RSFSR in Persia. September 1922]. *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii* [The Archive of Foreign Policy of the Russian Federation], F. 04, Op. 18, Pap. 113, D. 50715.

5. Byulleten Polpredstva SSSR v Persii, mart 1924 g. [Bulletin of Plenipotentiary Representation of the RSFSR in Persia. March 1924]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History], F. 495, Op. 90, D. 93.

6. Volodarsky M.I. *Sovety i ikh yuzhnye sosedi Iran i Afganistan (1917–33 gg.)* [Soviets and their Southern Neighbours Iran and Afghanistan (1917-1933)]. London, Overseas Publications Interchange Ltd., 1995. 242 p.

7. Dnevnik poseshcheniy i vizitov Polpredstva SSSR v Persii s 1 po 15 maya 1924 g. [Journal of Visits of the Plenipotentiary Representation of the USSR in Persia, May 1-15, 1924]. *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii* [The Archive of Foreign Policy of the Russian Federation], F. 028, Op. 12, Pap. 32, D. 2, L. 194-239.

8. Zapiska K. Gasanova v Vostochnyy Otdel IKKI Brike ot 28.12.1923 g. [Note of K. Gasanov to the Eastern Committee of the Executive Committee of the Comintern to Brike of December 28, 1923]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History], F. 495, Op. 90, D. 77, L. 24-26.

9. Zapiska Shumyatskogo Ordzhonikidze ot 24.10.1922 g. [Note of Shumyatsky to Ordzhonikidze of October 24, 1922]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History], F. 495, Op. 90, D. 57, L. 185-188.

10. Zapiska Shumyatskogo Chicherinu ot 06.10.1923 g. [Note of Shumyatsky to Chicherin of October 6, 1923]. *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii* [The Archive of Foreign Policy of the Russian Federation], F. 04, Op. 18, Pap. 114, D. 50725, L. 61-65.

11. Zapis besedy Yureneva s Suleyman Mirzoy ot 01.07.1925 g. [Record of the Conversation between Yurenev and Soleyman Mirza of July 1, 1925]. *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii* [The Archive of Foreign Policy of the Russian Federation], F. 04, Op. 18, Pap. 123, D. 180, L. 26.

12. Ivanov M.S. *Noveyshaya istoriya Irana* [The Modern History of Iran]. Moscow, Mysl Publ., 1965. 255 p.

13. Kopiya doklada Kerima Gasanova v IKKI ot 28.12.1925 g. [Report (Copy) of Kerim Gasanov to the Executive Committee of the Comintern of December 28, 1925]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History], F. 495, Op. 90, D. 109, L. 26-41.

14. Kopiya doklada Shumyatskogo Karakhanu ot 01.08.1922 g. [Report (Copy) of Shumyatsky to Karakhan of August 1, 1922]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History], F. 495, Op. 90, D. 57, L. 158-168.

15. Kopiya doklada upolnomochennogo TsK IKP v IKKI [Report (Copy) of Plenipotentiary of the Central Committee of the CPI to the Executive Committee of the Comintern]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History], F. 495, Op. 90, D. 77, L. 30-48.

16. Kopiya doklada TsK IKP v IKKI ot 01.03.1923 g. [Report (Copy) of the Central Committee of the CPI to

the Executive Committee of the Comintern of March 1, 1923]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History], F. 495, Op. 90, D. 77, L. 5-9.

17. Kopiya zapiski Chicherina Shumyatskomu ot 05.06.1924 g. [Note (Copy) of Chicherin to Shumyatsky of June 5, 1924]. *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii* [The Archive of Foreign Policy of the Russian Federation], F. 04, Op. 18, Pap. 119, D. 50778 (141), L. 40-41.

18. Kopiya zapiski Chicherina Shumyatskomu ot 07.08.1924 g. [Note (Copy) of Chicherin to Shumyatsky of August 7, 1924]. *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii* [The Archive of Foreign Policy of the Russian Federation], F. 04, Op. 18, Pap. 119, D. 50778 (141), L. 52-54.

19. Kopiya pisma iz IKKI Shumyatskomu [Letter (Copy) from The Executive Committee of the Comintern to Shumyatsky]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History], F. 495, Op. 90, D. 89, L. 75-80.

20. Kopiya svodki A. Sadovskogo ot 24.01.1923 g. [Summary (Copy) by A. Sadovsky of January 24, 1923]. *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii* [The Archive of Foreign Policy of the Russian Federation], F. 028, Op. 11, Pap. 32, D. 2, L. 58-71.

21. Kratkiy obzor politicheskogo polozheniya v Persii, aprel 1923 g. [Brief Review of the Political Situation in Persia, April 1923]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History], F. 495, Op. 90, D. 80, L. 26-51.

22. Obzor persidskoy pechati za 02.04.1923 g. [Review of the Persian Press for April 2, 1923]. *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii* [The Archive of Foreign Policy of the Russian Federation], F. 94, Op. 7, Pap. 7, D. 31, L. 52-56 ob.

23. Pismo Shumyatskogo Karakhanu ot 05.05.1923 g. [Letter of Shumyatsky to Karakhan of May 5, 1923]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History], F. 495, Op. 90, D. 76, L. 111-130 ob.

24. Ravandi-Fadai L.M. *Politicheskie partii i gruppirovki Irana* [The Political Parties and Groups of Iran]. Moscow, Institut Vostokovedeniya RAN Publ., 2010. 215 p.

25. Rezyume besedy s chlenami TsK IKP Dzhavad-Zade i Kerimom Gasanovym ot 05.10.1923 g.

[Summary of the Conversation with the Members of the Central Committee of the CPI Javadzadeh and Kerim Gasanov of October 5, 1923]. *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii* [The Archive of Foreign Policy of the Russian Federation], F. 04, Op. 18, Pap. 114, D. 50725, L. 60.

26. Spravka Osetrova «Persidskie partii» ot 18.03.1922 g. [Reference List “The Persian Parties” by Osetrov of March 18, 1922]. *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii* [The Archive of Foreign Policy of the Russian Federation], F. 94, Op. 4, Pap. 105, D. 1, L. 133-147.

27. Telegramma Shumyatskogo Chicherinu ot 29.09.1923 g. [Telegram of Shumyatsky to Chicherin of September 29, 1923]. Gromyko A.A. et al., eds. *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [USSR Foreign Policy Documents]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1960, vol. VI, p. 461.

28. Ansari A.M. *Modern Iran since 1921: The Pahlavis and After*. London, Pearson Publication Ltd, 2003. 272 p.

29. Chaqueri C. Eskandarī, Solaymān (Mohsen) Mīrzā. *Encyclopaedia Iranica*. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/eskandari-solayman-mohsen-mirza>.

30. Martin V. Mudarris, Republicanism and the Rise to Power of Riza Khan, Sardar-i Sipah. Cronin S., ed. *The making of modern Iran: State and society under Riza Shah, 1921–1941*. London and New York, Routledge, Taylor & Francis group, 2003, pp. 65-77.

31. Mostofi A. *The Administrative and Social History of the Qajar Period: The Story of My Life*. Mostofi Glenn N., transl. Costa Mesa, Mazda publishers, 1997, Vol. III, pp. 721-1185.

32. Sir P. Loraine to the Marquess Curzon of Kedleston. June 19. 1923. Bidwell R., ed. *British Documents on Foreign affairs: reports and papers from the Foreign Office confidential print. Pt. II, From the First to the Second World War. Ser. B Turkey, Iran and the Middle East, 1918-1939*. Frederick, Md., University publications of America, 1990, vol. 18, pp. 378-380.

33. Sir P. Loraine to the Marquess Curzon of Kedleston. May 24. 1923. *British Documents on Foreign affairs*, vol. 18, pp. 351-353.

34. Sir P. Loraine to the Marquess Cutzon of Kedleston. *British Documents on Foreign affairs*, 1922, vol. 18, pp. 193-196.

Information about the Author

Yuriy A. Demin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Socio-Economic Disciplines, Irkutsk State University, Sukhe-Batora St., 9, 664011 Irkutsk, Russian Federation, yademin1980@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4335-9983>

Информация об авторе

Юрий Александрович Дёмин, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-экономических дисциплин, педагогический институт Иркутского государственного университета, ул. Сухэ-Батора, 9, 664011 г. Иркутск, Российская Федерация, yademin1980@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4335-9983>